



Р

Е

Т

Р

И

В

Е

Р

У

И

З

Г

О

Л

О

В

Ь

Я

К

Р

О

В

А

Т

И

З

О

Л

О

Т

И

С

Т

Ы

Й

МИКИТО ТИНЭН

Врачи

лечат ТЕЛО,

этот пес —

ДУШУ



Микито Тинэн
Золотистый ретривер
у изголовья кровати
Серия «Лисье чаепитие.
Книги, исцеляющие душу»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74548331
ISBN 978-5-04-255137-6

Аннотация

«Мы не можем нормально работать. Что-то странное происходит в жизнях людей в этой стране и в этой эпохе», – однажды сказал синигами своему Господину.

«Что ж... Вот и займёшься этим», – ответил ему Господин.

Так начинается история золотистого ретривера Лео – синигами, который сослан на Землю, чтобы избавлять людей от сожалений. Ведь если кто-то на пороге смерти будет скован прошлым, его душа никогда не найдет приют на небесах.

Мир людей полон загадок и опасностей, и избалованному синигами, привыкшему к беззаботному существованию, приходится непросто. К счастью, его находит очаровательная девушка Нахо. Она – медсестра скромного хосписа, каждый пациент которого хранит в сердце сожаления. И чем больше

историй слушает Лео, тем яснее становится пугающая истина: все они, так непохожие друг на друга, связаны.

Но как?

Японский хилинг для поклонников «Телефонной будки несказанных слов» Ли Су-ён,

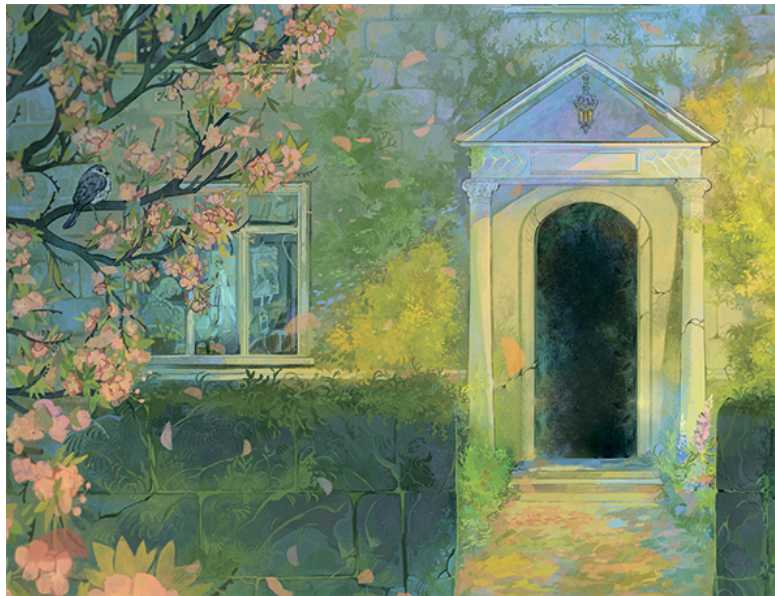
«Магазина шаговой доступности» Ким Хоён и «Книжной кухни» Ким Чжи Хе.

Автор – финалист японской литературной премии Soji Shimada Choice. The City of Roses Fukuyama Mystery Award.

Трогательная история, которая поможет избавиться от сожалений и обрести гармонию с собой.

Содержание

Пролог	7
Глава I. Синигами берётся за работу	15
1	15
2	22
3	30
Конец ознакомительного фрагмента.	48



Микито Тинэн Золотистый ретривер у изголовья кровати

YASASHII SHINIGAMI NO KAIKATA
Mikito Chinen

Copyright © 2016 by Mikito Chinen

Russian translation rights arranged with KOBUNSHA CO.,
LTD through Japan UNI Agency, Inc., Tokyo

Перевод с японского *Людмилы Белановой*
Иллюстрация на обложке *BARSUK*

© Беланова Л., перевод на русский язык, 2026

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

* * *

Пролог

Холодный ветер попеременно со снегом хлестал со всех сторон, пробирался напрямик под золотистую шерсть и постепенно лишал меня тепла. Чувство холода, неизвестное мне до сих пор, погружало в сонную негу. Но сейчас было не до неё. Босс почему-то дал мне летнюю шубу, и если я ничего не сделаю, то скоро замёрзну насмерть. Будет жаль, если моя земная жизнь закончится всего за три часа. Из-за ошибки начальника я не смогу исполнить волю Господина.

Ой, забыл представиться. Я пёс. Имени у меня пока нет. Как-то странно это звучит. Позвольте перефразировать. Я чересчур дотошный. Коллеги даже шутили, что я напоминаю человеческую свекровь. А я считаю, что только такая внимательность к мелочам позволит достойно служить нашему Господину.

Вернусь к рассказу о себе. Я благородный дух, которого три часа назад отправили на Землю в облике собаки. Господин дал мне прекрасное имя, которое, к моему большому сожалению, не сможет воспроизвести ни одно живое существо на этой планете. Лучше сказать, что у меня пока нет земного имени. Сейчас я выгляжу как крупный кобель с длинной золотистой шерстью. Кажется, таких называют золотистыми ретриверами. Это мой временный вид, всего лишь сосуд, ведь в качестве духа я невидим как для человеческого

глаза, так и для приборов. Но нельзя сказать, что люди не знают о нашем существовании. Они в нём сомневаются, но при этом дают нам разные прозвища.

Нас называют... О чёрт, как же холодно, голова совсем не работает. Честно говоря, несмотря на всю дотошность, меня никогда не интересовало, как нас называют на Земле. Вспомнил! Синигами. Точно, в Японии нас называют «синигами», а ещё – «боги смерти». Нас часто изображают в виде скелета с косой, облачённого в чёрный балахон и пожинающего жизни. Ужасно грубо! Мы так не выглядим и уж точно не занимаемся такой дикостью.

Когда человек умирает, мы помогаем душе вырваться из плена тела, а затем показываем путь к Господину. Я был сборщиком душ и их проводником. Был...

Почему же меня, такого благородного духа, сослали на Землю, да ещё и в облике собаки? Долгая история. Если вкратце – меня понизили. Как я уже говорил, все души мы направляем к Господину. Однако, если человек умирает, охваченный сожалением, его душа может остаться на Земле, став призраком.

Призраки – настоящая головная боль для синигами (хоть головы, как и других частей тела, у нас нет). Иногда случается так, что они ни в какую не соглашаются идти к Господину, как бы их ни уговаривали. И насильно привести их к нему мы тоже не можем. Если душа надолго остаётся на Земле без защиты телесной оболочки, она, подобно железу под

воздействием морского воздуха, постепенно разрушается и в конце концов исчезает. Для синигами нет большего позора, чем исчезнувшие души, которые они не смогли доставить к Господину.

Считается, что чем больше у синигами исчезнувших душ, тем хуже он работает. И к сожалению, в последнее время таких душ у меня стало необычайно много. Причина отнюдь не в моих навыках, а в стране и эпохе, которыми я заведовал. К слову, у остальных синигами, кто работал в Японии XXI века, результаты от моих не сильно отличались.

– Мы не можем нормально работать. Что-то странное происходит в жизнях людей в этой стране и в этой эпохе, – сообщил я боссу с помощью котодамы¹.

Босс слушал во все уши (напомню, ушей и других частей тела у нас нет). Я, заметив его желание разобраться, добавил:

– Пока мы не начнём взаимодействовать с ними при жизни, результаты нам не улучшить.

– Что ж... Вот и займёшься этим.

Слова босса меня обескуражили. Ведь люди не могут видеть нас, живущих в абсолютно другом измерении. Мы можем контактировать напрямую с душами, иногда общаемся с помощью котодамы или являемся во снах. Но такие методы вряд ли помогут: большинство земных жителей посчита-

¹ Котодама (дословно «душа слова») – японское философское понятие, означающее веру в то, что каждое произнесённое слово обладает духовной силой. В этой книге используется для обозначения языка, на котором общаются духовные сущности.

ет это всего лишь плодом воображения, а кто-то может и к психиатру обратиться.

Сначала я подумал, что босс шутит. Но он был серьёзным духом и никогда не шутил. Осознав это, я запаниковал.

— Люди не смогут увидеть нас, пока не станут душой. Да и нельзя им знать о нашем существовании. Нет ни единого способа предстать перед живым человеком.

— Поместим тебя во временное тело. Тогда мы и себя не раскроем, и с людьми получится пообщаться.

Временное тело? Паника нарастала.

— А что делать с моей основной работой?

— За это не переживай. Ты отличный проводник, но есть и другие. Будем работать все вместе, чтобы решить проблему, которую ты обнаружил.

— Но... — Я хотел было начать спорить. Для такого благородного духа, как я, жить в мире жадных и уродливых людей было настоящим кошмаром.

— Подожди! — перебил меня босс и погрузился в молчание.

Я понял, что происходит, и тоже затих. Спустя несколько секунд он с большим почтением промолвил:

— Господин желает...

Я успокоился. Наверняка Господин хочет сказать, что негоже такому великолепному проводнику иметь дело с жалкими людишками. Но босс продолжил говорить, и все мои надежды улетучились.

– *Господин желает посмотреть, что из этого получится. Идея отправить тебя на Землю кажется ему интересной.*

Дальше сопротивляться смысла не было. Выступить против начальника я ещё мог, но вот против Господина... Я существую только для того, чтобы исполнять его волю.

– *На всё воля Господина,* – почтительно ответил я, так, чтобы не было заметно моё отчаяние. В этот момент я не смел произнести ничего другого.

Пока я увлечённо рассказывал вам свою историю, заснеженный пейзаж вдруг начал трястись. Это что, землетрясение? Нет, точно не оно. Во время землетрясения мир не должен вертеться на триста шестьдесят градусов. По-моему, люди называют это «головокружением». Чувствую себя я действительно неважно. Кажется, будто все органы пляшут внутри меня. Как же называются эти отростки для ходьбы? Вроде бы «ноги». В них совсем не осталось сил, идти становилось сложнее. Измождённый, я рухнул на землю.

Хотелось забыть обо всём и просто закрыть глаза. Я пока не очень разбираюсь в земных телах, но, сдаётся, состояние моё критическое. Однажды я забирал душу с заснеженной вершины: этот человек без конца повторял, что засыпать ни в коем случае нельзя, иначе жизнь окончится. Перед глазами одна за другой проносились сцены, которые я успел увидеть на Земле за эти несколько часов. Это и есть «калейдоскоп жизни»? В моём не было смысла – познать удалось немно-

го, лишь заиндевевшие деревья да занесённую снегом горную тропу. И вот по ошибке босса я оказался посреди метели вдали от своей задачи, ещё и в летней шубе. И пока ум лихорадочно искал оправдание для Господина, моей головы коснулось что-то мягкое и тёплое.

– Что ты тут делаешь?

Голос доносился откуда-то сверху. Из последних сил я поднял голову и увидел молодую человеческую самку – если не ошибаюсь, правильно это называется «девушка». Слегка наклонившись, она погладила меня по голове.

На вид ей было чуть больше двадцати. Миниатюрное тельце утопало в объёмном пуховике. Нос – правильной формы, а глаза со слегка нависшим двойным веком казались удивительно большими на фоне крохотного личика. Такие девушки в мире людей считались красавицами, это я точно знал благодаря долгой работе проводником душ.

– *Я потерялся. Где здесь можно согреться?* – хотел сказать я на языке людей, но изо рта вырвался только невнятный стон.

Видимо, собаки не способны к человеческой речи. Какие-то способности синигами в моём нынешнем теле сохранились, при необходимости можно использовать котодаму. Если я обращусь напрямую к душе девушки, она, скорее всего, меня услышит. Но это раскроет мой секрет: я не совсем обычная собака. Мне только и оставалось, что бросить на неё грустный взгляд. Буду говорить глазами.

– Ты потерялся?

Уж не знаю, насколько точно она поняла меня, но девушка продолжила меня гладить. Её тёплая ладонь была настолько приятной, что я непроизвольно начал вилять хвостом. Откуда же взялась эта девушка? Вдруг я заметил, что из-под её пуховика торчит белый халат, похожий на те, что обычно носят работники медицинских учреждений.

– Тут рядом больница, где я работаю. Сможешь встать?

Девушка указала куда-то в метель. Я прищурился и увидел огромную железную дверь. Она оказалась приоткрыта, и в щель виднелся сад, укрытый снегом. Вдалеке, почти растворяясь в разгулявшейся непогоде, стояло трёхэтажное здание в западном стиле. Взгляд скользнул к воротам, на которых висела табличка. «Больница Ока-но Уэ»².

Из пасти вылетело радостное урчание. Вот моё новое место работы! Меня не понизили, а просто перевели. Из последних сил я встал и направился за девушкой в сторону ворот.

– Ну слава богу, ты можешь идти! Кстати, меня зовут Нахо. Нахо Асахина. А тебя? – спросила она, продолжая поглаживать меня по спине, побелевшей от снега.

Не подумав, я уж было хотел представиться именем, которое даровал мне Господин, но смог лишь громко гавкнуть. Ничего страшного, люди всё равно не способны воспроизвести имена синигами.

² Дословно: «Больница на холме».

– Тогда я придумаю тебе имя, если ты не против. – Нахо нахмурилась и глубоко задумалась. – Как тебе «Лео»? У тебя причёска замечательная, прямо как у Ди Каприо.

Кто такой этот Ди Каприо?

– Лео. Как тебе? – Нахо трепала меня по голове, улыбаясь.

Лео... Звучит неплохо. Легкомысленность западного звучания немного раздражает, но в то же время в нём есть некая элегантность.

– У-у-о, – пробурчал я в знак одобрения.

– Нравится? Ну и здорово! Пойдём поскорее внутрь, согреем тебя.

Меня вновь поразила точность, с которой Нахо понимала меня.

Теперь, когда новая знакомая даровала мне земное имя, позвольте ещё раз представиться.

Я синигами в теле собаки. И зовут меня Лео.

Глава I. Синигами берётся за работу

1

Нахо поставила передо мной глубокую миску с чем-то, что она назвала кормом для собак. Наевшись до отвала, я облизнулся, наслаждаясь оставшимся на языке насыщенным вкусом говядины. Мне казалось, что в земном теле я буду испытывать только боль и другие неприятные ощущения, но сытость вызывала сладкую истому. Теперь мне, благородному духу, следует быть внимательным, чтобы не оказаться в плену удовольствий, как это случается с более примитивными существами – например, с людьми.

– Ты всё съел? Какой молодец! Хочешь вкусняшку? – обратилась Нахо ко мне, улыбаясь. У неё в руке было три коричневых комочка, которые очень аппетитно пахли.

Думаю, ничего страшного не случится, если парочка таких штук окажется в моём желудке. Я сел и поднял лапу, подавая её Нахо. Против воли у меня потекли слюни.

– Какой ты умненький! – Девушка положила лакомство в миску.

Я тут же набросился на аппетитную мясную печенку.

Нет, я не стал пленником еды, я просто веду себя как обычная земная собака, чтобы никто ничего не заподозрил.

– Вкусно было? – Нахо присела и заглянула мне в глаза.

– Гав! – радостно ответил я. Печенька была вполне неплохой. За три дня в больнице, где работала Нахо, я научился очень умело выражать эмоции в теле собаки.

Девушка потрепала меня по голове и начала прибираться. Она взяла миску и понесла её в глубь столовой, где стоял специальный столик для грязной посуды. Я наблюдал за удаляющимся хрупким силуэтом, облачённым в белый халат. Всё-таки она очень хороший человек. Несмотря на тяжёлую работу, она находит время ухаживать и за мной. А ещё ей удалось уговорить очень строгого главного врача оставить меня в больнице.

Если бы Нахо не смогла этого сделать и если бы ещё раньше не обнаружила меня, когда проверяла, заперты ли ворота в метель, то моя собачья жизнь уже бы закончилась. А мне пришлось бы судорожно придумывать отговорки для Господина и перекладывать вину на босса. За то короткое время, что я нахожусь на Земле, я накопил такой долг перед Нахо, что не смогу его выплатить, пока нахожусь в теле собаки. Как же тогда её отблагодарить? Точно, когда настанет время для Нахо умирать, встречу её душу и с почестями провожу к Господину.

Я широко зевнул. После еды меня клонило в сон. Обычные собаки, без всяких сомнений, проводят жизнь в празд-

ной лени, но меня сюда отправил Господин с благородной миссией.

Встряхнув головой, чтобы прогнать сон, я со всем изяществом двинулся вперёд по коридору. Подушечки лап приятно утопали в мягком ковре. Любопытная больница. Здесь пахло затхлостью, хотя всё вокруг было дорогим и элегантным. Гигантские напольные часы, которые уже не показывали время, и другая мебель излучали божественное присутствие.

По обе стороны коридора находились две большие двери: одна вела в столовую, вторая – в гостиную, где я в основном и проводил время. Обе комнаты были достаточно просторными, при желании в них можно было устроить танцевальный вечер. Рядом с часами находилась ещё одна дверь поменьше, она вела в кухню. В противоположном конце коридора – четыре огромных окна, через которые в здание проникал мягкий солнечный свет.

Мне часто приходилось забирать души из больниц, но эта определённо отличалась от тех, где я бывал раньше. Ни разу не видел, чтобы в них разрешали находиться такому разносчику заразы, как собака. По правде говоря, когда Нахо привела меня сюда, старшая медсестра, широкоплечая женщина средних лет, попросила увести меня обратно. Но Нахо начала уговаривать оставить меня, пока не найдётся хозяин. На секунду между женщинами вспыхнуло напряжение, но под решительным взглядом Нахо старшая медсестра сдалась.

Она согласилась, но только если разрешит главный врач.

Как только я отогрелся и немного восстановил силы, Нахо повела меня к главному врачу и по совместительству директору больницы. Она смогла противостоять старшей медсестре, но вот перед встречей с ним определённо волновалась. Я обратил внимание, как тряслась её рука, когда она стучала в дверь кабинета начальника.

– Входите... – раздался из-за двери безразличный голос.

Мы вошли в мрачный кабинет с потёртым рабочим столом и большой книжной полкой, заполненной медицинской литературой.

– Ты по какому вопросу?

– Тут такое дело... Этот пёс потерялся, можно, он немного побудет здесь?

– Ты понимаешь, что это за учреждение? – Худощавый мужчина средних лет поднял голову и стал сверлить меня взглядом сквозь толстые стёкла очков.

– Да... – тихо ответила Нахо, сжавшись от страха.

– И ты считаешь, что здесь можно держать собак?

Нахо ничего не могла ответить и виновато склонила голову. Из глубины моего горла вырвался невольный рык. Нахо опустилась на колени, обняла меня за шею и принялась гладить по голове. Возможно, она подумала, что я сейчас наброшусь на главного врача. Но я – благородное существо и на такое варварство не способен.

– Мы будем держать его на улице. А для пациентов...

– Ни в коем случае! – резко прервал Нахо главный врач.

Какой же бессердечный мужчина. Внутри меня начало нарастать отвращение. Когда он умрёт, отправлю-ка его душу на морское дно на парочку дней. Я зарычал громче. Мне нужно здесь остаться, поэтому главному врачу лучше изменить своё мнение. Это не просто больница, это – моё новое место работы. Если я не выполню миссию, вверенную мне Господином, то не смогу вернуться к работе проводника душ.

Я сосредоточился. Даже будучи собакой, я всё равно могу использовать силы синигами. Мы умеем соприкасаться с душами низших смертных, чтобы управлять их словами и действиями. Это не самая лёгкая операция, но благодаря телесной оболочке люди могут меня видеть. А значит, взаимодействовать с их душами станет проще. В первую очередь мне нужно наладить зрительный контакт, ведь взгляд напрямую связан с душой. У людей похожая способность называется гипнозом, но она не сравнится с тем, чем обладают синигами. Мы можем не только манипулировать поведением, но и читать мысли или проникать во сны. Только я собрался применить свои способности, как главный врач произнёс:

– Пусть живёт внутри.

– Можно его оставить? – И Нахо, и я не ожидали такого ответа, поэтому в изумлении уставились на мужчину.

– Да, животное поможет пациентам легче переносить болезнь. Но нужно поселить его там, где они могли бы контак-

тировать.

– Ой... Э-э-э... Ну... – От волнения Нахо начала запи-
наться.

– Что-то ещё?

– Нет, спасибо большое! – Нахо поклонилась, я повторил
за ней.

– Что ж, позаботься о нём хорошенько, – строго сказал
главный врач, с подозрением глядя на наши склонённые го-
ловы, а затем перевёл взгляд на документы, лежащие на сто-
ле.

Так было решено, что моя умилительная внешность пе-
ревешивает риск распространения микробов, поэтому три
дня назад меня назначили талисманом этой больницы. Люди
называют таких животных маскотом или питомцем. Однако
будь это обычная больница, мне бы точно не разрешили так
свободно разгуливать по зданию.

Я сосредоточенно бродил по коридору, как вдруг уловил
неприятный запах, гнилостный, но при этом сладковатый.
Он доносился со стороны широкой лестницы, ведущей на-
верх. Но учуял я его отнюдь не благодаря острому собачье-
му нюху. Этот уникальный запах был знаком мне из-за моей
истинной сущности синигами. Его источают люди, чувству-
ющие приближение смерти. Те, кто был доволен жизнью и
спокойно принимает свой уход, пахнут свежестью молодых
листьев. Такие души, как правило, следуют нашему настав-
лению и направляются прямиком к Господину. А вот те, у

кого остались сожаления о прожитом и кто никак не может смириться, что скоро умрёт, пахнут гниющими фруктами. Мы называем смрадом отвратительную ауру, которую они распространяют.

Чем интенсивнее смрад, тем сильнее сожаления умирающего. После смерти он с очень большой вероятностью станет призраком, блуждающим по Земле. Запах, доносившийся с лестницы, был настолько тяжёлым, что я невольно поморщился.

Точно, я же нахожусь не просто в больнице, а в центре паллиативной помощи, известном также как хоспис. Место последнего упокоения тех, кто болен неизлечимыми болезнями. Здесь их телесную и душевную боль смогут облегчить в оставшиеся мгновения жизни.

Я посмотрел на лестницу и потянулся. За три дня на Земле мне удалось привыкнуть и к собачьему телу, и к больнице. Пора бы поскорее приступить к работе, а то босс начнёт ворчать. Он это любит. Мне нужно найти потенциальных призраков в больнице и избавить их от сожалений. Такова миссия, вверенная мне Господином. Не самая приятная задача, но я сделаю всё, чтобы поскорее с ней справиться. Я направился на второй этаж, прямиком к источнику смрада. Настало время моего первого задания в этом теле.

Я поднялся на второй этаж. В трёх ступенях от меня находился пост медсестёр. Я присел, чтобы меня не заметили. Почему-то в Японии это место иногда называют «нёрс стейшн»³. Что такое нёрс стейшн? Должно быть, слово заимствованное, смысл его совсем непонятен. За долгое время работы в этой стране к самим людям не возникло никакого интереса, но вот созданное ими искусство, например, живопись или музыка, пришлось мне по нраву. Возможно, я немного предвзят, но считаю, что эстетика ваби-саби, созданная в Японии, – это наивысшая культура, облагораживающая дух спокойным, но одновременно с тем величественным образом. В последнее время сюда хлынул поток заимствованных культур, постепенно вытесняя местную, такую мимолётную и прекрасную, как падающие лепестки сакуры. Я всегда относился с неприязнью к чужой культуре. А лишь от одной мысли об активном использовании иностранных слов меня начинало тошнить. Но сейчас не время думать об этом.

Приподнявшись, я заглянул наверх. На посту суетились две медсестры, одной из них была Нахо. Обе были заняты проверкой журналов и учётом лекарств, в мою сторону они даже не смотрели. Мне разрешили жить в больнице, но ве-

³ сестринский пост (англ.).

лели не уходить дальше первого этажа. Если меня поймают на незаконном проникновении на второй этаж, где находятся палаты, боюсь, могут и выгнать.

В горле пересохло, сердце начало бешено биться. Сейчас! Оттолкнувшись всеми четырьмя лапами, я одним прыжком одолел оставшиеся три ступени, а затем быстро пробежал мимо сестринского поста. Оказавшись в коридоре второго этажа, я спрятался за большим растением в горшке, затем осмотрелся. Медсестёр не было видно. Повезло, меня не заметили. Я с облегчением выдохнул. До того как меня заключили в это тело, меня не касались переживания о том, что меня могут заметить, ведь синигами спокойно передвигались, игнорируя стены и гравитацию.

Я пробежался взглядом по коридору – такому же длинному и широкому, как на первом этаже. С каждой стороны было по пять палат. Из того, что говорила Нахо, я уловил, что в центре всего десять палат, каждая из которых рассчитана на одного больного. Другими словами, сюда могут одновременно госпитализировать всего десять человек. Как больница вообще остаётся на плаву с таким-то небольшим количеством пациентов? Сейчас не была занята даже половина палат.

Нос уловил сладковатый смрад, наполнявший широкий коридор с высокими потолками и роскошной мебелью. Где же наш потенциальный призрак? Невыносимая вонь не отпускала. Ещё пара вдохов, и наступил полный ступор.

Один...

Два...

Три...

Четыре...

Пахло сразу из четырёх мест! И у каждого пациента запах был особенным. Другими словами, почти у каждого из них есть шанс стать призраком, а значит работы у меня хоть отбавляй.

У меня закружилась голова. В этой стране и в этой эпохе призраком становится каждый десятый человек. Такого бы не случилось, если бы у них не было сильных сожалений о прожитых жизнях. Для незащитной души оставаться надолго в этом мире – всё равно что выйти голышом на мороз. То, что почти от всех пациентов исходил гнилостный смрад – определённо аномалия. Видимо, поэтому меня сюда и отправили. Работа предстоит нелёгкая.

Ни единой медсестры на горизонте – можно было действовать. Следовало лишь приблизиться к источнику запаха. Подцепив лапой дверь, я слегка сдвинул её в сторону, затем протиснулся в образовавшуюся щель.

Взгляду открылась просторная комната размером примерно в десять татами⁴. Не теряя бдительности, я осмотрел её. Помещение не было похоже на обычную больничную палату. За спиной тихо хлопнула дверь. Кажется, она была спроектирована так, чтобы закрываться автоматически.

⁴ Десять татами – примерно 16,5 квадратных метра.

Комната была обставлена старинной, но при этом изысканной мебелью в европейском стиле, создававшей непередаваемую элегантную атмосферу. Возле большого окна стояла массивная, одновременно с тем изящная кровать, украшенная резьбой. На ней лежал мужчина.

– Пёс? – удивился он, заметив меня.

Больной был похож на засохшее дерево. Из-под пижамы виднелись худые руки, покрытые сухой жёлтой кожей, которая, казалось, вот-вот треснет. Щёки ввалились, а под глазами залегли тёмные круги. Белки глаз цветом напоминали яичный желток. Благодаря опыту работы проводником душ я знал, что такое состояние называется желтухой. Оно возникает, когда печень перестаёт нормально функционировать. Не нужно быть синигами, чтобы понять – этот мужчина скоро умрёт.

– Ах да, Нахо же говорила, что ей разрешили завести здесь собаку, – пробормотал мужчина себе под нос.

Нахо уже рассказала пациентам обо мне. Замечательно, это упрощает работу! В очередной раз убеждаюсь, какая она хорошая девушка. Стоит мне только подумать о Нахо, как хвост сам начинает энергично шевелиться из стороны в сторону. Интересная реакция.

Заметив, что я виляю хвостом, мужчина смягчился и по-манил меня к себе. Так вот в чём заключается задача питомца – согревать сердца людей своим природным обаянием. Это очень значимая работа, хоть она и не сравнится с тем,

чем занимаются проводники душ. Я приблизился к кровати. Мужчина вытянул обессиленную руку и потрепал меня по голове. По сравнению с Нахо его ладонь была грубой и мозолистой, но я не возражал. Было бы крайне грубо, если бы низшее существо вроде человека гладило благородного духа вроде меня, но тело собаки, похоже, создано таким образом, чтобы ему были приятны прикосновения людей. Временное тело дарит мне много замечательных открытий.

Что же делать дальше? Господин создал меня проводником, и, кроме как собирать и отводить к нему души, я больше ничего не умею. Уверен, что, окажись другие синигами в моей шкуре, они тоже не знали бы, как поступить. Высшие существа из других измерений, подобные нам, редко отправляются на Землю и контактируют с живыми людьми. Буду делать всё, что в моих силах.

Я вздохнул и прищурился. Старик продолжал меня гладить, пока мой взгляд изучал его тело, чтобы обнаружить пустоши. Наконец-то зрение начало проникать сквозь ткани: мне открылось всё вплоть до внутренних органов. Вот она, справа. Огромная раковая опухоль размером с голову младенца. Она глубоко проникла в печень и уже просачивалась в окружающие ткани, словно растворяясь. Движению желчи из протока мешало скопление жидкости. Мужчина проживёт не больше месяца. Синигами не могут влиять на длительность жизни, но мы наделены рядом способностей, которые помогают в нашей работе. Например, мы способны ви-

деть болезни и прикидывать, сколько человеку осталось. Если жизнь старика оборвётся через месяц, то я должен избавить его от сожалений за это время.

– Как звать-то тебя? – обратился мужчина ко мне.

– *Лео*, – хотел ответить я, но из пасти вновь вырвался нелепый лай.

– Точно, Лео.

Я раскрыл глаза от удивления. Как он смог понять это из моего лая? Но все вопросы тут же отпали.

– Нахо говорила, что назвала тебя Лео.

Почему он задаёт мне вопросы, если знает, что собаки не умеют говорить? Как сложно понять людей! Я повернулся к нему и стал ждать продолжения разговора. Он спросил моё имя, а значит, по правилам сейчас должен представиться сам. Но мужчина лишь молча смотрел в окно и продолжал меня гладить. Уж не знаю, он по своей природе груб, или с собаками этикет соблюдать не нужно? Я бросил взгляд на капельницу, из которой раствор подавался в тонкую руку мужчины. На ней значилось: «Тацуо Минами». Значит, так его зовут. Профиль Минами был освещён мягким светом из окна, но был бледным и безжизненным.

Он взял с подоконника маленький чёрный комочек и поднёс к лицу, глядя на него с любовью. Интересно, что это такое? Со стороны выглядит как обычный чёрный камешек, но то, как бережно старик с ним обращается, говорит, что этот предмет ему очень дорог. Старик несколько минут рассмат-

ривал небольшой, грязный, похожий на кусок угля комочек, а затем, повернувшись ко мне, приоткрыл сухие губы и тихо заговорил:

– Я ведь скоро умру...

Как будто я не понимаю.

Сколько же он молчал? Я размышлял, пока Минами продолжал меня гладить. Сказав о приближающейся смерти, он смотрел то на свой чёрный камушек, то на ясное небо за окном, на котором не осталось ни единого намёка на прошедшую три дня назад метель. Я надеялся, что дальше он расскажет мне о своих сожалениях, но этого не произошло. Старик так долго меня гладил, что макушка под его рукой разогрелась. Не поредела бы от этого моя прекрасная золотистая шевелюра.

Так дальше не пойдёт. Я подал голос, обдав мужчину запахом собачьих консервов изо рта. Минами вздрогнул и посмотрел на меня. Я заглянул ему в глаза и тут же завладел его сознанием. Это несложно сделать, если душа человека ослаблена страхом смерти и сожалениями о прожитой жизни. Извини, старик, но мне придётся это сделать, чтобы вытащить из тебя хоть какую-нибудь информацию. Но тебе это будет только на пользу.

– *А теперь расскажи мне о своих сожалениях,* – обратился я напрямую к душе Минами.

– Это случилось незадолго до конца войны... – начал говорить он, будто одержимый чем-то. Уж не мной ли?

Но мне недостаточно было просто выслушать его. Я сосредоточился и вновь обратился к сознанию Минами. Образы, окрашенные в светло-серые оттенки, хлынули в мой разум. Это были моменты памяти, глубоко запечатлённые в душе старика. Цепи воспоминаний, сковывающих его. Не самая интересная часть работы, но это всё равно нужно сделать. Я прикрыл глаза и погрузился в поток его мыслей.

– Неужели это реальность? – спрашивал себя Тацуо Минами, сидя на заросшем травой берегу реки.

И чем больше он это делал, тем сильнее мир перед глазами мутнел и искажался. Он как будто смотрел через грязную, сморщенную плёнку, а течение времени чувствовалось более тягучим. Казалось, что он провёл у реки уже десятки часов. Однако пришёл он сюда чуть за полдень. Солнце уже приобретало красноватый оттенок, но всё ещё висело высоко над горизонтом.

Прошло не больше трёх часов с тех пор, как Тацуо выбежал из дома, но за это время он как будто заново пережил восемнадцать лет своей жизни. Перед глазами мелькали воспоминания, он словно смотрел слайд-шоу о себе. Он внимательно глядел на воду, не отрывая взгляда, как вдруг сзади раздался шелест травы.

– Что ты здесь делаешь? – раздался откуда-то сверху холодный голос, разрывая плёнку между Тацуо и реальностью.

– Ничего, – ответил Тацуо, не оборачиваясь. Он и так понял, кто с ним говорит.

– Ничего, значит? Тебе не очень-то идёт быть таким задумчивым.

Тацуо недовольно скривился, услышав этот насмешливый тон. Он был в ярости от того, что кто-то позволяет себе шу-

тить в моменты его страданий.

– Отвали! – Слова были такими резкими, что он сам удивился.

Ответа сзади не последовало. Неужели обиделась и ушла? Сожаление и страх сковали его грудь. Прежде чем Тацуо успел обернуться, воздух слегка дрогнул, рядом с ним на траву кто-то сел.

– Ты можешь мне сказать, если что-то случилось. – Ёко Хияма, одетая в фиолетовое кимоно, прищурила миндалевидные глаза и мягко улыбнулась. От этого мир вокруг как будто стал ярче.

Тацуо рефлекторно опустил голову. Он не хотел показывать своё жалкое, как у бродячей собаки, лицо подруге детства, старше его на год, и любимой женщине.

– Не твоё дело, Ёко, – пробормотал Тацуо, не поднимая лица.

– Не говори так. Мы же ещё недавно были близки...

– Недавно? Уже год как прошёл.

– Да? Как быстро время летит.

– В Токио есть чем заняться, вот ты и не заметила.

Год назад Ёко поступила в женскую школу в Токио, оставив Тацуо прозябать на местной фабрике.

– Там невероятно скучно. Все такие серьёзные. Дети даже по деревьям не лазят.

– В Токио это и не нужно.

– Но ведь иначе не сорвать мандарин.

– Мандарины можно и купить. У твоей семьи есть на это деньги, – не подумав, зло выпалил Тацуо, и его лицо исказилось от ненависти к себе.

– С дерева вкуснее, – дурашливо ответила Ёко.

– А тебе можно выходить из особняка? Твой отец недавно так злился из-за этого. – Тацуо посмотрел на холм вдали.

Примерно в тридцати минутах ходьбы отсюда на вершине холма возвышался огромный особняк в западном стиле – это было дом Ёко. С того момента, как её семья эвакуировалась сюда из Токио, который всё чаще подвергался бомбардировкам, Ёко приходила на этот берег каждый день, хоть и обещала этого не делать. Тацуо тоже спешил сюда каждый день после работы на фабрике, где производство замедлилось из-за нехватки материалов.

– Сюда я спускаюсь с холма, поэтому мне не тяжело. А вот дорога домой меня выматывает. Но я стараюсь отдышаться, чтобы он не заметил.

– Зачем ты приходишь сюда каждый день? – Тацуо был похож на обиженного ребёнка.

– К тебе, конечно же, – без колебаний ответила Ёко, а затем, достав из мешочка большой круглый леденец, указательным пальцем запихнула его Тацуо в рот. – Я из дома принесла, попробуй, очень вкусно.

Не зная, что ответить на признание Ёко, Тацуо молча принялся рассасывать леденец. Язык окутала приятная сладость. За четыре года войны дефицит продовольствия становился

всё острее, а такие предметы роскоши, как сладости, было невозможно достать, особенно беднякам вроде Тацуо.

Она что, просто дразнит его? Наслаждаясь уже подзабытой сладостью, Тацуо нахмурился.

В детстве Тацуо и Ёко ходили в одну школу и много времени проводили вместе, поскольку шли домой одной дорогой. Больше всего им нравилось играть тут, на берегу реки. Когда они немного повзрослели, Ёко начала приглашать Тацуо в гости. Тогда он начал замечать, что они живут в двух разных мирах. Отец Ёко, с которым Тацуо часто пересекался в особняке, был не похож на остальных мужчин крохотного городка: его поза, манера говорить и одежда – всё говорило о том, что он другой. Тацуо восхищался им, а вот он, напротив, не испытывал добрых чувств к мальчишке, который стал слишком близок к его дочери. Чуть позже отец запретил им видеться.

В это же время чувства Тацуо к Ёко стали меняться от дружеских к любовным. Отец девушки был очень занятым человеком и часто ездил по миру, особенно после начала войны, поэтому скрыть встречи от его глаз не составляло труда. Наплевав на запрет, эти двое встречались на берегу реки, обсуждая всё, что произошло с ними за дни разлуки. Год назад, за день до отъезда в Токио, Ёко поцеловала Тацуо, прижавшись мягкими губами к его щеке. После того как она покинула родной город, общение не прекратилось – они обменивались письмами. Но внутри Тацуо нарастало недо-

вольство. Его чувства к Ёко становились всё сильнее. Но он понятия не имел, что она испытывает к нему. Считала ли она себя лишь другом детства или же чувствовала нечто похожее, что и он? Тацуо понимал, что с течением времени пропасть между ним, простым рабочим, и Ёко становилась всё шире.

– Так что случилось? – Ёко достала леденец и для себя.

– Не твоё дело.

– Ну раз не моё, то больше не буду спрашивать, – обиженно бросила Ёко.

Тацуо поднял голову. Он больше не волновался о своём выражении лица, ему вдруг стало страшно, что девушка, сидящая рядом с ним, может уйти навсегда. Ёко смотрела на Тацуо с мягкой улыбкой, как обычно мать смотрит на своего ребёнка.

– Может, лучше поговоришь сам с собой?

– Сам с собой? – повторил Тацуо, не понимая, что она имеет в виду.

– Да, сам с собой. Может, хоть это тебя развеселит.

Тацуо стиснул зубы. Ему казалось, что иначе чувства, которые долго копились внутри, вырвутся наружу. Да и нет смысла рассказывать о случившемся Ёко, ведь всё будет звучать как нитьё. А мужчина, сын Великой Японской империи, не должен жаловаться женщине. Тацуо стиснул зубы сильнее, пытаясь проглотить слова, но они, дойдя до желудка, попытались вырваться наружу вместе с сильным позывом к

рвоте.

– Повестка пришла... – вырвался сквозь стиснутые зубы крик, похожий на рыдания. – Повестка пришла! Я иду на войну! Я скоро умру!

Ноги стали ватными, и это ощущение начало растекаться по всему телу. Тацуо знал, что рано или поздно это случится. В прошлом году с обострением военной обстановки призывной возраст снизили с девятнадцати до семнадцати лет, а Тацуо, с детства бегавший по горам и полям, был абсолютно здоров и годен к службе. Удивительно, что его не призвали в первую очередь. Только когда пришла повестка и Тацуо осознал, что скоро отправится на войну, он почувствовал приближение смерти. Ёко подвинулась к нему и обняла за шею. Тацуо начал успокаиваться.

– Тебе страшно? – окутал Тацуо нежный голос.

– Ничего подобного. – Тацуо вздёрнул голову. – Я готов умереть за свою страну! С чего мне должно быть страшно? Я готов до самого конца сражаться за победу Японской империи.

– Мы проиграем... – Шёпот Ёко прервал хриплый крик Тацуо.

– Что? – Тацуо удивлённо уставился на Ёко, приоткрыв рот. Он не понимал, о чём она говорит.

– Война скоро закончится, мы проиграем... Отец так говорит. – Печально улыбаясь, Ёко повторила эти слова медленно, будто пережёвывая.

Тацуо лихорадочно огляделся. Вряд ли в этой глуши могла быть военная полиция, но нужно было убедиться, что их никто не подслушивает.

– Тут больше никого нет, не переживай. – Ёко словно прочитала его мысли.

– Но как? Почему Япония проиграет? – с трудом выговорил Тацуо.

– Все друзья отца об этом знают. Японии не видать победы. Правительство просит Советский Союз выступить посредником в переговорах с Америкой.

– Чушь какая-то...

«Япония – божественная страна, поклоняющаяся императору»; «Если народ объединится, подует божественный ветер, принося нам победу». Эти слова Тацуо с детства слышал от родителей и учителей, они были частью его самосознания. В любой другой ситуации он бы посмеялся и ответил, что Япония не может проиграть. Но слова отца Ёко звучали убедительно. Он был видным человеком, который переехал из провинции в Токио, основал торговую компанию и сколотил неплохое состояние. Расширяясь, он основал в родном городе фабрику, принес ей огромную пользу. Он был негласным правителем региона.

– Отец хочет вывезти нас из Японии. Мы уже готовимся.

– Это шутка? – Тацуо уставился на Ёко, ожидая, что она сейчас признается, что пошутила.

Но Ёко лишь печально смотрела на него. Тацуо почув-

ствовал, как начал рушиться мир. Япония проиграет. Любимая женщина бросит страну и сбежит. Его охватил сильный, ни с чем не сравнимый страх – тёмное неприятное чувство. Раньше чувство долга перед страной и желание защищать Ёко не давали боязни смерти вырваться наружу. Но сейчас крышка была снята. Звериный ужас взбесился, сдержать его было уже невозможно.

«Не хочу умирать. Не хочу умирать. Не хочу умирать...»

Все мысли Тацуо были сосредоточены только на спасении от смерти – фундаментальном желании любого живого существа. Взор затянула пелена страха.

– Всё хорошо. – Шею продолжало обнимать что-то мягкое, а ноздри наполнил запах молодой травы. Раскалённый до предела разум Тацуо начал успокаиваться. – Успокойся, всё хорошо. Тацуо, мне тоже кое-что нужно тебе сказать. Выслушаешь? – прошептала Ёко ему на ухо, продолжая обнимать.

Что же это может быть? У Тацуо было дурное предчувствие, но он тем не менее кивнул.

– Я скоро выхожу замуж, – нерешительно сказала Ёко.

– Что? – растерянно пробормотал Тацуо.

Смысл её слов всё глубже проникал в мозг. Ужас, сравнимый с тем, когда он получил повестку, пронзил его тело.

– Правда? За кого? Почему? – Хриплый, будто чужой, голос вырвался из горла Тацуо.

– Сын главы торговой компании, хорошего знакомого мо-

его отца. – Ёко отодвинулась от Тацуо и перевела взгляд на реку. – Он из знатной семьи. Ну как, знатной... Это бедные дворяне, у которых сейчас проблемы и с делами, и деньгами. Его эвакуировали из Токио, сейчас он живёт у нас. – По её тону сложно было догадаться, что она говорит о женихе.

– Он тебе хотя бы нравится? – Голос Тацуо всё ещё был хриплым.

– Нет, конечно. Он на жабу похож. У меня от него мурашки.

Ёко подняла с земли маленький камушек и бросила его в сторону реки. Тот плюхнулся в воду.

– Тогда почему ты с ним?

– Так решил отец. Семья женишка хочет наши деньги. А отцу нужен их дворянский титул. Это так глупо. Какой смысл в этих титулах, если мы всё равно проиграем? Скажи мне, Тацуо!

Он не знал, что ответить. Зачем вообще Ёко начала этот разговор?

– Эй, Тацуо, – решительно начала Ёко, приблизившись губами к его уху. – Давай сбежим? Далеко-далеко...

– Что? Что ты такое говоришь? – Язык перестал слушаться Тацуо. Он точно ослышался. Наверное, разум играет с ним, обескураженный известиями о призыве на фронт и свадьбе Ёко.

– Сбежим вдвоём? – продолжила Ёко. Нет, Тацуо не ослышался. – Сбежим туда, где нас никто не знает. Начнём спо-

койно жить, забудем о повестке и моей свадьбе.

– Я... Я не могу. – Лицо Тацуо застыло в возмущении. Он не мог представить, как он бежит от долга стране. Совесть не могла позволить ему совершить такой ужасный поступок.

– Почему? – Ёко повернулась к Тацуо и посмотрела ему в глаза, отчего тот потерял дар речи.

– У тебя же нет семьи. Даже если ты сбежишь от службы, никому не доставишь этим неприятностей.

Слова Ёко пронзили Тацуо, его лицо исказилось. У него действительно никого не было. Мать рано умерла от болезни, её он толком даже не помнил. А отец погиб пару месяцев назад в результате несчастного случая на фабрике. Дядю, чья семья сейчас заботилась о Тацуо, откровенно раздражал лишний рот, поэтому, когда пришла повестка, он сиял от радости. Отсутствие семьи было огромной раной на сердце Тацуо. Шрам, оставленный смертью отца, только начал затягиваться, но от слов Ёко он разошёлся и начал сочиться душевным гноем. Тацуо не мог игнорировать настолько обидные слова даже от любимого человека. Только он хотел открыть рот, чтобы возразить Ёко, как почувствовал лёгкий тычок. Девушка прижалась своим лбом к его.

– Я стану твоей семьёй, – прошептала она. Гнев Тацуо испарился, так и не успев извергнуться из его рта. – Я стану твоей новой семьёй, чтобы мы смогли вечно быть вместе. И ты будешь защищать... Но не страну, меня.

– Ёко...

В голове роились мысли, мешая Тацуо дать ответ.

– Мне нужно подготовиться. – Ёко оторвалась от Тацуо и поднялась. На её лице сияла яркая, как подсолнух, улыбка. – Выдвигаемся завтра в полночь. Встречаемся здесь. С тобой или нет – но я решила бежать. Но лучше делать это вдвоём, чем одной. Я буду ждать.

Тацуо только и оставалось молча наблюдать, как Ёко проворно удаляется вдоль берега реки. Ещё с полчаса после того, как фигура любимой скрылась из виду, он сидел, уставившись на воду, и размышлял над их разговором. Серьёзна ли была Ёко? Как ему следует поступить?

Сзади раздались шаги. Решив, что вернулась Ёко, Тацуо обернулся. Но к нему приближался незнакомый мужчина лет сорока. Несмотря на то что на улице не было жарко, по его обрюзгшему лицу стекал пот. Жирный свисающий живот обтягивала плотная ткань дорогого костюма. За мужчиной стоял чёрный автомобиль, за рулём которого сидел крупный, похожий на медведя водитель. Уже с первого взгляда Тацуо почувствовал отвращение к незнакомцу. И причиной была не только уродливая внешность, но и его взгляд: он смотрел на Тацуо как на пустое место.

– О чём вы говорили? – выпалил мужчина. Его двойной подбородок трясся, когда он говорил.

– Мы знакомы?

– О чём вы говорили с Ёко?

– Ты кто такой вообще? Не твоё дело! – Услышав имя лю-

бимой изо рта этого уроды, Тацуо сжал кулаки от злости.

– Ещё как моё. Она моя невеста, в конце концов. – На лице мужчины появилось откровенное превосходство.

В этот момент Тацуо понял: именно о нём рассказывала Ёко.

– Не смей приближаться к Ёко. Мы с тобой из разных миров, – надменно бросил мужчина, выводя из себя Тацуо.

– Замолчи! Я...

– Тацуо Минами, ты же друг детства Ёко?

Тацуо опешил, услышав своё имя.

– Вполне естественно проверять прошлое девушки, которая станет моей женой. И я знаю, что вы видите с ней каждый день с тех пор, как мы приехали из Токио. Но не зазнавайся: эта женщина – моя. – Взгляд мужчины стал сальным, в нём проскользнула похоть.

– Вы же ещё не женаты. – Ненависть Тацуо к мужчине нарастала.

– Но скоро будем. А теперь представь её в моих объятиях и отвали.

Тацуо вскипел, в глазах потемнело от ярости. Он занёс кулак, чтобы ударить мужчину, но кто-то схватил его за запястье. Оглянувшись, он увидел водителя, который протянул к нему толстую, как бревно, руку. Непринуждённо подняв ногу, обутую в кожаный ботинок, мужчина пнул Тацуо в живот с такой силой, что казалось, пробил в нём дыру. Из рта прыснул жёлтый желудочный сок. Женишок Ёко, тряся

двойным подбородком, от всей души наслаждался видом Тацуо, лежащего на земле.

– Ты всего лишь бедный дворянин... – процедил Тацуо сквозь зубы.

Эти слова стёрли ухмылку с лица мужчины. Он так широко растянул губы, что обнажились дёсны, а затем подмигнул водителю. Тот молча кивнул, а затем несколько раз со всей силы пнул Тацуо. Он сжался, пытаясь защититься от шквала ударов, а женишок со всем презрением плюнул в Тацуо. Не в силах пошевелиться от боли, он поймал плевок лицом.

– Ёко от меня не убежать. А ты не смей даже думать о ней. Она будет счастливее со мной. А что её ждёт, если она сбежит с таким голодранцем? – Лицо мужчины покраснелось от гнева, он снова сплюнул.

Он что, знает об их плане? Тацуо из последних сил поднял голову.

– Пошли. – Мужчина кивнул водителю и, покачивая тучными телесами, поднялся на насыпь.

В нос Тацуо ударила вонь выхлопных газов. Мужчина уехал.

Прошёл день, наполненный болью и тревогой. Теперь с наступлением вечера Тацуо, стиснув зубы, шёл на встречу с Ёко, и каждый шаг отзывался ноющей болью. Но куда мучительнее была неопределённость, снова и снова заставлявшая его возвращаться к одному вопросу.

Что же делать?

Тацуо вновь и вновь повторял этот вопрос, идя по дороге, освещённой бледным лунным светом. Его терзали сомнения: сбежать с любимой или уйти на войну? Ответ менялся каждую минуту, но решить он так и не смог.

Тацуо должен был отправиться на фронт завтра. Дядя, который был рад избавиться от нахлебника, подбадривал Тацуо, прося его постараться для страны. Хотя его слова и были искренни, но «постарайся» из его уст звучало для Тацуо как «умри». В течение дня он не раз думал о том, насколько бесполезно его существование. Во всём мире существовал только один человек, которому он был нужен. Чувства к Ёко продолжали расти в его сердце, именно поэтому он колебался. Тацуо не был уверен, что она будет счастлива, если они сбегут. От мыслей заболела голова.

Тацуо добрался до насыпи. Сейчас он поднимется, и они встретятся.

– Ёко! – выкрикнул он, дойдя до места встречи.

Ночной ветер унёс его голос. Тацуо застыл. На берегу никого не было. Он истерично рассмеялся. А чего он ожидал? Она просто играла с ним. Не в силах остановиться, Тацуо закрыл лицо обеими руками и с силой впился ногтями в виски, так, что выступила кровь. Завтра он уедет на фронт и умрёт за страну, как пророчил ему дядя.

– Что за странные звуки? – раздался голос сзади. – Извини, я немного задержалась.

Тацуо выдохнул и обернулся. Перед ним стояла Ёко в эле-

гантном европейском платье и с большим чемоданом. Лунный свет освещал её смущённое лицо. Тацуо молча обнял Ёко, так, будто боялся, что она сейчас уйдёт.

– Тацуо, что случилось?

Тацуо продолжал молчать. Если он скажет хоть слово, то разрыдается. Наконец-то его терзания закончились. Он хочет защищать любимую женщину, несмотря ни на что. Тацуо стиснул зубы и принял решение. Как только буря эмоций улеглась, он медленно отпустил Ёко.

– Я же обещала прийти, – сказала девушка с лучезарной улыбкой.

– Тебе так идёт это платье.

– Правда? В кимоно было бы сложно передвигаться.

– Отец или тот дворянин тебя не заметили?

– Это было самое сложное. Жаба-сан будто почувствовал, что я хочу сбежать, поэтому с самого обеда следил за мной. Он даже рылся в моей комнате, пока меня не было. Отвратительно! Когда стемнело, мне удалось через окно перелезть на дерево и убежать. – Ёко театрально пожала плечами.

– Всё-таки это очень важное умение, – рассмеялись влюблённые. Но в груди Тацуо нарастало волнение. – Ты уверена? У меня и денег нет, и от повестки я бегу...

– Молчи. – Ёко приложила палец к губам Тацуо. – Я хочу тебе кое-что показать.

Из чемодана она достала мешочек. Из него Ёко извлекла круглый леденец, такой же, как и вчера. Тацуо с недоумени-

ем посмотрел на него. Девушка сделала глубокий вдох, леденец выпал из её рук.

– Подожди немного, Тацуо. Я сейчас вернусь.

– Что-то случилось?

– Я быстро. Жди меня здесь. – Ёко, так и не ответив Тацуо, развернулась и побежала вниз по насыпи.

Тацуо не мог вымолвить ни слова, глядя вслед любимой. Что же случилось? Куда убежала Ёко? Он застыл на вершине насыпи, словно пугало. В чувство его вернул оглушительный рёв: по берегу нёсся огромный автомобиль. Машина с визгом остановилась возле Тацуо. Дверца пассажирского сиденья резко распахнулась, из машины на берег вылетел жабообразный мужчина – жених Ёко.

– Где Ёко? – Мужчина схватил Тацуо за грудки и орал, брызжа слюной. Тот ничего не мог ответить. – Чёрт возьми, куда она запропастилась?

Взгляд мужчины упал на чемодан, лежащий в ногах Тацуо. На его лице расплылась премерзкая улыбка.

– О, так тебя бросили?

– Что? – Тацуо удивился, не понимая, о чём говорит мужчина.

– Это же чемодан Ёко. Она поняла, что у вас нет будущего, поэтому выбрала меня. Она наверняка уже вернулась в особняк и раскаивается в своём идиотском поступке.

– Ничего подобного. Ёко бы так не поступила! – прокричал Тацуо, прогоняя сомнения, зародившиеся в его сердце.

– Тогда где она? Почему ты тут один?

– Я...

– Продолжай ждать. А я вернусь домой и накажу Ёко.

– Это место – не твой дом!

– Скоро станет моим. И дом, и Ёко. – Из-под покраснев-

шегося от выпитого алкоголя носа вырвался противный смешок. Мужчина не воспринимал всерьёз слабые возражения Тацуо. Он развернулся и спокойно пошёл к машине.

Автомобиль с оглушительным рокотом уехал. Вокруг повисла тишина. Холодный ночной ветер развеял жар, возникший в сердце. Неужели Ёко действительно бросила его? Правда ли она только что была тут? На секунду показалось, что их недавняя встреча привиделась Тацуо. Он опустил взгляд. На земле лежал чемодан Ёко – единственное доказательство того, что она приходила на берег.

Внезапно в уши ударил раскатистый вой сирены, заставив трепетать и барабанные перепонки, и сердце. Это был самый ненавистный звук для всех жителей Японии – воздушная тревога. Тацуо посмотрел на небо. Огромная тень пролетела перед бледно сияющей луной.

– Би двадцать девять⁵... – Из-под рта вырвался хриплый шёпот.

От огромной, похожей на дракона, тени отделилась круглая тень поменьше. Через несколько секунд раздался оглушительный взрыв, вдали вспыхнуло пламя. В этом городе не

⁵ В-29 – американский бомбардировщик времён Второй мировой войны.

было военных объектов, поэтому авианалётам он не подвергался. Вероятно, американцы сбрасывали остатки снарядов на населённые пункты, которые попадались им на пути после основной атаки. Бомбардировщики один за другим пересекали небо. Сирена продолжала отчаянно выть.

– Ёко!

Тацуо бросился бежать вниз по насыпи: нужно было спешить к особняку. Он находился на холме, поэтому стал бы лёгкой мишенью для бомбардировки. В глубине души Тацуо надеялся, что жених Ёко ошибся и она не возвращалась домой. Мысль о том, что ему нужно спасти любимую, прогнала из головы даже намёки, что его могли бросить.

Тацуо бежал изо всех сил через лес, объятый пламенем, пока не добрался до холма, поглощённого огнём. Ещё чуть-чуть – и он достигнет цели. Жар обжигал кожу, густой дым наполнял лёгкие. Каждый вздох давался с трудом, но Тацуо даже и не думал сбавлять темп. Всё ли в порядке с Ёко? Переживания о любимой женщине заставляли забыть о боли. Сквозь красное пламя виднелся особняк, рядом с воротами стояла машина женишка Ёко. Ещё немного...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.